

антін х

псевдоанархия демонов

когда я бы маленьким
мы ездили к бабушке в херсон
я помню у неё коз, кроликов и ондатр
ещё были бесконечные арбузы
которые я не любил
потому что они были мокрые
и везде было солнце

люди проходят мимо меня
и кажется
как будто они из другого мира
а я сплю
и всё мне это снится
в один из таких моментов мне ещё казалось
что у всех прохожих
чёрные души
даже у детей
но потом я подумал
что чёрные души хорошо рифмуются
со словосочетаниями как
сладкие груши или
грязные уши
и я решил
что это всё
кажение – неправда
и лишь одно искажение
а я наверное какая-то кривая линза

высота
холодное одиночество
капля начала своё стремительное падение с дрожащей высоты
с синевы неба
пока она летела, не проронила она ни единой капли
всё оставила при себе
не ubyло её по прибытии на небо свода
она так берегла себя
чтобы потом разбиться о сырой уже тротуар
она – не первая и не последняя
она – не
среди многих

она посвящает своё время тому, чтобы хранить комнату в чистоте. как можно чаще выбивать ковёр. как можно нежнее протирать пыль. потом пахнет сыростью и гнилостью. ступая по грязной и мокрой пожелтой позолотой плитке голубого цвета, она направляется к своей комнате, которая представляет для неё сосуд для наполнения его временем и чистотой. сосуд наполнен маленькими песчинками небрежной заботы. нежностью, которой не хватает аккуратности.

выкачиваясь меж твоих ног
я понял сущность вещей
пустое небо без звёзд мне краше
как краше твои глаза без зрачков
как милое тленье голубоватой плазмы костра
как бесполезное рвенье для жизни
и дым – становление пыли
под лампой вдвоём они
и мотылёк, о котором мы с тобой забыли
и часть предложения – уже не по мне
если точкой закрыто оно
если твой терем построен в земле
мы уже не соседи
ведь хоть мысли мои, беснуясь во мгле
являют луну, дырявую напропалую
я останусь в сиянье чьих-то брильянтов
что сокрыты тобою

и минует меня седовласый торшер
и не замечу уют его мудрости
не засветит он ту яму в мозгу
что продырявил ты поцелуем

проходят дни, они пробегают
текут, утекают
течь дней –
речь времени
дни протекают
протекают как кран
как закрытый
откроешь – дни пенятся
сутки польются
и счётчик тогда набегает
и счёт тогда присылают
за пролившиеся и
протекшие дни
говорят, по счетам надо платить
а если не будешь платить
то придет судебный исполнитель и
отключит твои дни

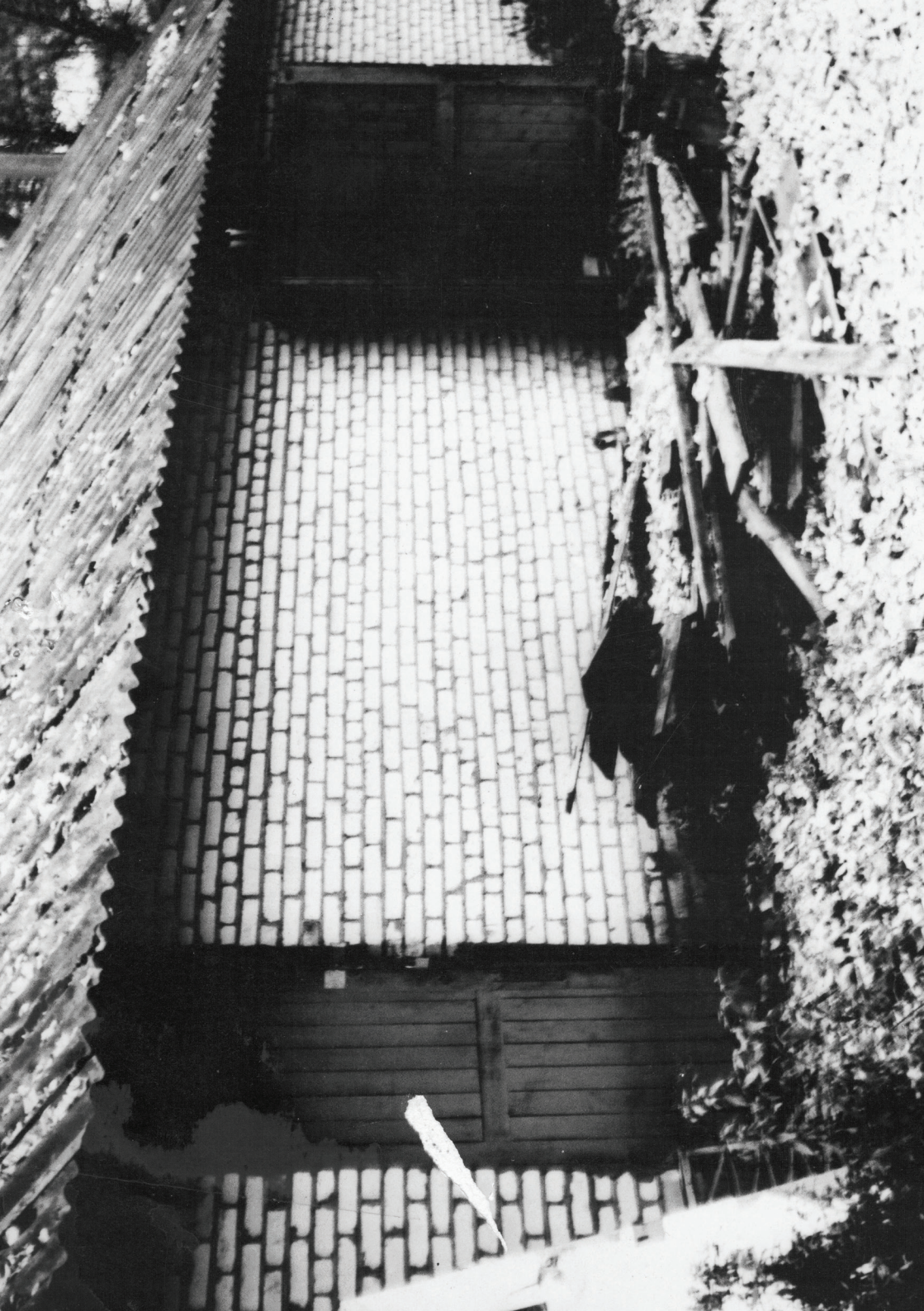
стопканье–спотыканье стальных хрусталинок о край стакана.
трёхбрюховый паук–бельземаб сверху норовил раздавить меня или же окупёвые
жабры слева–права. страхи крошатся о костяную плиты невезения.
ты трогаешь мои волосы как леску рыбацкой сети
с заботой
с терпением
с целью две руки впиваются в детские рёбра белого цвета тех
костей
 что станут
 детским лаем

я услышал в переговорной
трубке шёпот шиповника
они сходились тогда на
тщётной середине и
никто не подозревал
что станет хуже

когда поздно было, шумели только подшипники роз и
почему-то горели кузнечики

я переходил улицу
и на светофоре
между двух тротуаров
кто-то потерял варёный рис
он упал с багажника велосипеда

я вышел вообще пофотографировать
это было довольно забавно наблюдать
как этот человек собирал варёный рис
с асфальта между красными светофорами
но я постеснялся его сфотографировать, потому что
в этом его собирании была
какая-то беспомощность
это был очень
интимный момент с рисом

мы с тобой шагали по солнцу
забыв дома нитки
ты сказал, что замёрз
я даже не смог сшить тебе кафтан из акрополя
что там, стоит один и
внимает хлопущкам затворов, примеряющих глаза к
первозданной красоте
жилое ситуаций – тонет в плазме огня
как и я, забывая, иду, не помня, зачем
на солнцепёк привел ты меня

бегущий разум. если только мне ты разрешишь. а трещина в полу ширится, моя мысль в неё утекает. когда трещины в мозгу начнут постепенно гнить, будет слишком поздно для нас. язвы будут день ото дня расти, наполняясь жёлто-ржавым гноем с кровью. страсти шепчут сладкое. голоса рвут паутину дырявого сознания. паутину настроил я.

кассетник для трёх кассет
шея для двух голов
кисть для 10 пальцев
половой потолок
стены, выросшие из раздавленных нас
спицы вместо глаз
кассеты вместо ушей
мешковина вместо волос
колбаса вместо губы
365 дней удовольствия существовать в окнах домов
 подожжённых сероводородом милосердия демонов

я расскажу про себя
я отвечу тебе
побююсь завтра
сегодня
комфорта
моя работа
влиять на частоты

выпил с друзьями
своими язвами
грязью заел

когда сидим с тобой вдвоём
под молчаливым небом
я становлюсь пророком
движимым огнём и пеплом

заря займёт твой голос и
сердца нескоро, – ведь солнце
для австралии пока не
обернулось снегом с кровью
наших засеверенных рек

я точно знаю, что небо
отраженье твоих глаз
теперь тоскливо смолкли небосводы
нашей недовзаимной тоски по
друг другу, по глухим городским
тротуарам, что трауром убогих
пытаются прикрыться
по гениальной мысли, что в дороге
незаметно растеряла свой характер
став посредственной вдвойне

бывших рек не выстроены дамбы
пока сидим с тобой вдвоем
под молчаливым небом и молчим
о нём
в то время, как австралия теряет бдение, и солнце кубарем
ниспровергает звездопад
но только не на нас с тобой, а
в андромеду, беспокойно заspirаленную
сто тысяч лет вперёд

к сожалению, ещё пока
невозможно напрямую
соединять все мозги в мире
в одном огромном cerebrume

а ведь в этом случае
можно было бы
смотреть сны вместе

деревянная телега скребёт–катится по колесам
поры верхней губы отрыгивают пот
чувства висят–болтаются на вершинке потолка, того и гляди –
упадут на нас
клочья воздуха мешают дышать, пласты света требуют терпения к
себе
а ортодоксы уже починили свои церкви: высокие, низкие
приземистые и ухватистые, с крестыми, с отломанными
не говоря уже о тех

но говорят, мир тесен, но не для озо, что вышел из своего сегодняшнего
храма безумия на один час более аккуратно, чем кто–либо и намного
тщательнее, нежели обычно. он проступал по обычному асфальту необычно
медленнее, чем всегда, а дышал чаще, чем иногда.

часто он думал
о божь, ангелах, о сатане
о морских чудищах, о простыне
о думах, в голову пришедших
о страхе, толком не решив
чем он хочет в этот день
убить безудержную лень пробиралась медленно, но также верно, как и те.
он давно смекнул о давящей телеге колёсами. и вот, теперь, доехав на ней
к озо. маргариты ужу в фиолетовом цвету, покрытые мертвыми бабами.

всё медленно
всё шепчет
и крадётся

я расковыриваю именитым ногтем
безымянного пальца левой ноги
твой череп
ноготь – он с цветом
радуги от калёной пружинной стали
люди стали здороваться, чужая скорбь
бессмыслие тюрем возымело
небывалую силу, приобрело её
от отсутствия денег, от алчности
красного дерева в кабинете бога
больше уже никого не смущают
чистые взоры в кино
искренние звуки в бумаге
вот и я добрался до твоей сути
до мысляной стужи ада

аэропорт находится вблизи ботово
амбар
агрессия встречает в форме
щекастого левиафана в форме ридвана
я фотографирую амбар на айфон в режиме
панорамы
адские щёки сразу запрещают
они сражаются за ботово в ботово
поле
в ботово лес
в ботово гопники
в ботово ад

я попадаю в помещение типа зала ожидания
я вижу мать
я делаю объятие
я возвращаюсь к багажной ленте
адские щёки просят билет
я порешил
убогое чмо
показываю билет
оно пропускает
я дожидаюсь своего багажа
мы покидаем аэропорт
мы садимся в такси яндекс
рассекало тьму вологодских лесов

и как греться от сигареты
пустое пламя, холодное пекло
отсчитанный дым
он считает твои дни: один за другим
иной за последующим, прожжённая дырка гардин
в моей жалкой лачуге, полной холода
от ненужных людей, от их забав
от выходок их, они мимоходом
оставляют свои искажённыя, – утеха
моей больной фантазии, прореха
их собственных рук–недоуём
и как греться от сигареты
когда больше не станет меня
лишь полубессмертных
зарниц даёт пищу ума
сердце пусть помолчит
и люди чужие видят во мне
много мною другого, но не меня
видать, холодно им, чтоб
продрать хорошенько глаза
и нет сигарет
нечем согреться
только цинковый дым

всё коловоротится–межится в нежности с собой. единственное оставалось неизменно в его жизни – снег–блики телевизора–от–мокрых–рук, – бесстыдно размазывал только что наплёванные густыми чернилами буквы–пешки. даже теперь, когда он ещё более одинок стоит в темноте сажной ночи, – вода падающего снега не делает чище его, а всё растаптывает вокруг. снег подражал и вторил катности мысли. и каждый раз, когда член попадал в окно, – только бы надеяться на падение острого стекла и на отруб. надежда на надежду. любовь к любви. в нём маловато смысла для такого человека, как он. в его теле плоховато укладывается томиком корешком вперед всё то, что влилось в него за все ночи внезапности и страха, хаоса, харизмы. в страхе мало азарта, в страхе нет чуждого, страх нельзя вывесить за окно для навозных мух, страх терпит своего хозяина в лице повелителя. страх требует внимания, но не причины.

тёмные улицы
уныло–агрессивные хари
сталь неба
 тупик свода
безделие
 страшнее
 безцелия
выпотрошенные души
врать
 и верить
жрать
 и молить
молельный дом
 могильный лом
иконостас
 иконституция

бурая сырая глиняная земля
 лысая голова гопника
уродливые памятники
 чуть менее уродливые деревянные кресты
 и свал

вот иногда бывает такое
что читаешь
и начинаешь как бы говорить, думать
и писать на тот же манер
как бы перенимаю дикцию
теряя дистанцию
мне всегда казалось, что это
признак хорошей литературы

и это не только с чтением у меня так
но со множеством вещей
с музыкой тоже
в 15 или типа того
я начал читать
ну то есть по-настоящему много читать
достоевский там, толстой
ну то, что в школе было
чем-то другим
я особенно не интересовался как-то
я, наверное, прочитал всё достоевского
дневники и так далее
начал писать даже сам, и мне
казалось, что я новый гений русской литературы
смешно

когда я приехал в москву
там друзья другим интересовались
пелевиным там, довлатовым, сорокиным,
фельдманом, ротко
авангардами всякими
а я был консервативным
не то чтобы быдлом из череповца
но особенно ничем таким не интересовался

вообще мне кажется, что у меня этот синдром зелига
ну знаете, этот фильм вуди аллена, где чувак перевоплощается
в зависимости от откружения и обстоятельств
иногда мне кажется
что по этой причине я никогда ничего интересного не скажу
хотя, „найти свой голос“ – это тоже мелкобуржуазный
предрассудок

ну, и чтобы не заканчивать на банальности
про достоевского ещё
когда я уже жил в москве
я писал своей лучшей подруге
письма от руки в стиле достоевского
сударыня алёна юрьевна и всё такое
в прошлом году мы виделись

и она принесла эту мою кипу писем
мы напились сливового вина и читали

всё было очень белое, как вино. растекающееся по желудку, а потом прямоком в мозг, но точно не как кроваво-красное вино. и откуда-то был тёмный коридор. персонаж номер один стоял, облокотившись обеими ягодицами на подоконник, белый, кстати заметить. персонажу номер один было не то чтобы одиноко, но летел он от мандаринов, что в новом году дарят, от открыток и мимоз на глупое восьмое марта, от всех прелестей и привратностей недосветской жизни. оставались только ножи, тёрки, пюре из яблок, что в детстве он надавливал сам, потом коричневело оно в его блюдце, как теперь фашизм, или как 60 лет назад. лицо было в акриловых красках. нос был горой, а глаза – как озёр пара. горные озёра на лице персонажа номер один. что прекрасней можно выдумать?

он пел для всего мира свою скорбь, выцеживая самую сущность, самую соль, незасодированную матовым вкусом. вступал хор демонов в его голове, вот уже и похороны, и катафал, а вот и гроб, и в гробе белиал, без одежды, весь в морщинах, мелких, безотрадных, почти шепчет что-то беззубым отверстием, что-то вымаливает, что-то заламывает.

я помню его этот шёпот ада. как парча была его королевская кожа, золотая, мягкая. я гладил когда и его, немного волосики мельчайшие я задевал. ему казалось, что я чрезмерно умён, он слушал, глаза горели. речные волосы реабилитированной русалки.

персонаж номер два явился у персонажа номер один в сиянье. он подходил. сердце билось. уже почти близко. прижался, щетина коснулась косноязычного первого. солнце, оно ж тоже не брито миллиарды лет.

порожнее время
уставшие сосны
вы знаете, время станет взрослым
откажется от катки с водой
у меня – полные карманы денег
дам взятку сатане
под ногтями – солнце
превращающееся в синяк от
собственного холода
дети, зачатые под новый год
всегда несчастны
боясь начать сначала
в глаза – по скальпелю
чтобы забыть, что такое боль
и чахотка при виде солнца

есть вот это особенное время года
переход от весны к лету
когда улица начинает по-другому звучать
и не только потому, что народ
выходит гулять, но ещё и потому
что воздух какой-то другой
такое ощущение, что звук в этом воздухе как-то иначе
распространяется
и в пасмурные дни ещё
когда не слишком грозная туча надвигается
всё как-то спокойно замирает, всё как будто парит
в некой свежести и в лёгком таком холоде

давайте скорее начнем ту жатву что скрывалась
мы откажемся от своих мыслей и действий для чего-то наверняка
более значимого чем мы сами чем наши судьбы и души
это наше предназначение
странно что мы говорим о своём предназначении
странно что я говорю о нашем предназначении
и удивительной красоты бывает закат
хотя наверняка придет ко мне время
когда больше буду любить рассветы
кажется что то что было до деревьев
будет и после них и то что было
до света и воздуха также и останется
и прятаться за сквернословие бессмысленно
также как и за благословие
благословение не сможет быть получено
только за существование и добродетель
страшно что мы пытаемся вообще говорить о красоте
о той красоте о которой не слыхивал даже никто
как быстротечно время в своей наивности
как оно жестоко в своем течении
хоть на маломальски малую долю страхов
подтопить бы краски холстов наших судеб
краски рек и реки красок на восходе
слишком мне не по возрасту как и не по
силам говорить о красоте чего-то того
чего каждому не хватает для счастья
счастья убить тоску и счастья скрыть
любовь к любопытству любознательности о любви
любой скажет что слышал о любви
но любимый не может быть любим как и
любой любимым настолько чтобы позабыть
себя ради невысказанности любви
так было всегда и до деревьев и после света
у солнца слишком много лучей и говорить о луче
об одном луче солнца бессмысленно
потому что солнце мудрее
уж поверьте мне за свои миллиарды
оно поднатаскано временем гораздо
убедительней чем мы с вами за свой скучный век
зря прожитое прошлое и зря нагнетаемое будущее
проще конечно же просто умереть
но в этом нам видиться лишь акт проигрыша
войны солнцу поэтому нам по душам говорить
о солнце в среднем роде а о его лучах
в единственном числе а по душам-то мрак
сотканый из надежды и наши сердца не перестанут
отторгать нас почему кто-то должен умереть
смерть как акт доверия между влюблёнными
жизнь как акт неповиновения
как акт невозможного непримирения

вы никогда не ощущали
при нажатии кнопки стоп-запись
что вы что-то теряете
как будто что-то упускаете
что-то такое, что обязательно бы
понадобилось
какое-то странное ощущение потери возникает
и причём невозобновимой
такой, которую уже больше не найти
мне кажется, нажатие кнопки стоп-запись чем-то сродни смерти
вспыхивает как будто жажда жизни что ли
которую обычно не ощущаешь
осознание неотвратимости
течения времени

мы лежали с ним на траве. трава была аккуратно высажена тут богом. мы лежали. вылеживали газон. кровавые пролежни на газонах бога. а за это в ад.

странно, никогда не понимал его лопатки, тонко вычерченные между тем по спине, впивались теперь в землю всегда выдавались на общем рельефе тела. быть может, грудь ещё. он вскапывал этот газон своим телом с воткнутыми в него лопатами. руки—то у него будто два черенка, да на концах с щепой. когда копаешь землю, то давишь иногда на верх черенка. так и с ним. здороваешься за руку — будто и давишь.

мне захотелось лизнуть белки. лизнуть почти это небо. потому что в его скупых белках отражалось бездонное небо невезения. но чтобы он не заметил, — вот как хотелось лизнуть. чтоб он по-прежнему смотрел в небо, хотел мне там что-то сказать, отчего это самое небо, проецированное на белки, стало вдруг глупым, было ли так от начала? почему оно отражает и тебя, цвет молодости, и тебя, страх разочарования перед существом с белками, что зеркало всего мира.

мне захотелось провести по волосам. они как трава, почему-то всегда шепчущие осиной, всегда чистые, всегда лоснящиеся как рожь.

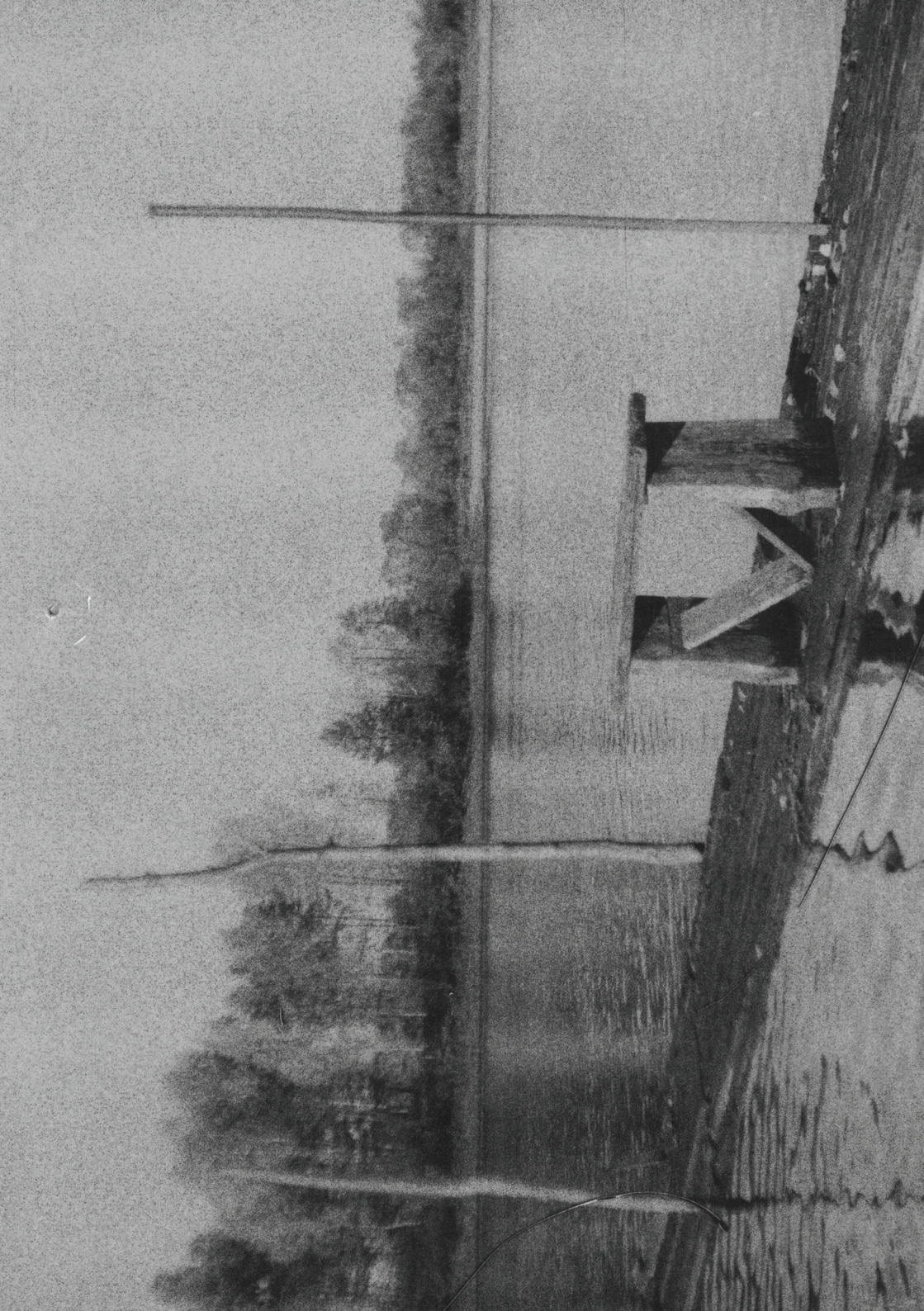
злато злаков, пот длани. осознание

что золото вспотело моим потом

что потом он станет смывать его вместе со своим

что поты перемешаются потом в канализации

и будут вместе на люберецких полях фильтрации

в детстве мы с друзьями лечили зубы деревьям
вот ходили по лесу со всякими инструментами
похожими на инструменты стоматолога
и лечили зубы деревьям
то есть не то, чтобы настоящие зубы
но раны, которые деревьям наносили наши враги –
банда старших ребят
они курили, пили водку
нанося ущерб здоровью деревьев
когда вбивали в них гвозди
я уже не помню зачем
вообще, у нас были инструменты
свёрла, молоток, пассатижи, специальный ножичек
глина для пломб
и подорожник для анестезии
(иногда при небольшом кариесе
мы использовали кусочки сосновой коры
предварительно придавая им необходимую форму
специальным ножичком)
мы вытаскивали пассатижами гвозди
очищали рану, дезинфицировали
и замазывали глиной
состояние наших пациентов мы проверяли
каждую неделю
и действительно – помогало
мы были уверены, что
мы – стоматологи деревьев
по-моему, у нас даже картотека на них была:
рост, телосложение, история болезни
мы верили, что защищаем беззащитных

близ парчи нежности
листал я тебя, мой атлант
и горечь губ моих, стальных от ветра
и пот от холода
всё это нипочем тебе, ведь
страхи ветхого завета забрал ты
от меня, перевернув зараз и
их в газету
читанную не раз
тобою, мной, но с кляпами в глазах

широкий хват руки
бессмысленность событий
дни занавескою задеты
что и не видно их
убийство времени подкуплено тобой
искусство кузнеца перстов
и повар, половик, мой дом
всё это нипочем и мне
хоть память треклятую
вспаривает
и близ парчи постель атланта
вспаривает в канальное небо
как теперь
согрет я

325 вдохов мы свершили с тобой вногу. когда шли, тогда вдыхание. вбивая свои ноги в сырую землю. земли становилось меньше. дыша навстречу мне, ты целовал воздух прокрасневшейся гортанью. как обычно ты улавливал теми ухватами, что обычно меж пальцев, организованную до беспорядка скудоту моей мысли. плавно тая в воздухе от перегревающего шага вдыхание. пустяшность–пустышность мысли и теперь. это потому, что свой опасный мозг, заключённый в красный обтянутый кожей череп, я берегу страстно и множу в нём, как в цветной оранжерее целый сонм тридцатиголовых мыслей–монстров и смыслов–демонов с шершавыми хвостами, с закрытыми глазами. и каждое слово молитвы отсекает по голове мерзкой твари, но этого так мало. конечно, я могу этого всего не делать. я могу поднять тебя высоко–высоко, руками, подкинуть выше настырного солнца, – упадешь супротив глупости самого глупого океана. подкинуть – не падать. быть мудрым – не глупить. стать жарким – не угасая тлеть. целовать губами – не гортанью целовать. идти вдыхание – это не 325 раз вногу дышать.

серое небо
нет ветра
на улице слева и справа смесь тёмно-бурого цвета из снега и грязи
у людей вспоротые глаза

пешеходные переходы обозначены дорожным знаком
а не зеброй
на светофорах таймеры
всегда хватает времени пересечь улицу
водители пропускают пешеходов
люди, защищаясь, хамят практически везде
а на месте кладбища парк

знаешь, хочется, чтоб ты
под облаками и с крыльями
да рукой и мне махнул
ведь я тут, внизу, и запах
нефти не чувствую даже

и страх высоты разбит о синь
кусочки серого перекалённого железа
тоже молчат
а ты там, наверху

и небо – дыра
как сердечный клапан – окно
как клоп, что сосёт мою душу

покатость выкачанной мысли
глаголет мне о смерти
молчит как тупая дроздиха
забывшая червями свой зоб

но глава за главой
мысль об асфальт
и что мне окно
и небо – дыра

мать купила лопату
я спросил
зачем

мать ответила
снег разгрести

мать заказала такси яндекс

мы ехали по проспекту победы
потом налево
потом направо
и до конца

такси яндекс ехало неумело
я сказал
не дрова везёшь

до крестов
раньше тут был лес

тут нет крематория
тут лесоповал
тут сжигают деревья
подсечно-огневое земледелие тут
окружают тленом

такси яндекс спросило
нужно ли заезжать

мать сказала
да

она показала дорогу

пока мы ехали
я видел людей в ямах
они доставали лопатами из земли куски бурой мокрой
глинястой почвы
из ям были видны бритые головы

такси яндекс остановилось
мы вышли

мать протоптала следы в снегу для меня
чтобы я не промочил ноги
как в детстве

мать показала крест из дерева и цветы из пластмассы

камень через год
они говорят
надо ждать
пока сгниет

я начал расчищать снег
это меня отвлекало

мать сказала
что надо покрошить хлеб для птичек

мы покрошили хлеб для птичек

мать сказала
что то
что приносишь
остается

мы принесли лопату
мы оставили лопату

мать стала уходить по протоптанным следам
мать села в такси яндекс
я докрошил последний хлеб
я оглянулся ещё раз

я подумал
это свалка
тут срут в память

я стал уходить по протоптанным матерью следам
я сел в такси яндекс
такси яндекс тронулось
такси яндекс проехало по узким заснеженным колеям ещё раз

потом направо
потом налево
потом направо
потом прямо по проспекту победы назад

когда океан уничтожает ничтожнейшую из жизней в реке счастья, он не ведаёт о том. когда пошатывающаяся красная роза стоит и уверенно выпячив свои шипы, а корень её не ведаёт, что взрастил он. а мы поём. мы поём миру. песнь счастья. песнь скорби. песнь всей печали мира.

если бы всё можно было сотворить наоборот. не в том смысле, что беспонятно и спонтанно перемешать. нет. наоборот, остановившись перед связью между переворачиваемым.

ты пройдёшь сквозь сотни сцен и мимо пилигримов. и опоздавший на твою смерть злодей заметит о твоём пути у себя. он даже не заметит оставленного тобой. только о пути заметит, мягко перевернув его.

сгорбленность ходила за широстью шага как тень. как тень. иногда сгорбленность обгоняла ширость шага. но никогда не менялись они местами, потому что одно из них порочно.

вообще, почему, когда кто-то умирает, говорят потеря?
мне кажется, это ложь, потому что
потеря – это что-то, что можно найти
если кто-то умер, его уже больше
не найти, потому что он не потерялся
нет такого бюро находок
есть бюро
 похоронное
 морг
 кладбище
и память

расшагивая шаг, я шагал
по полям речных страстей
умерев в долине, полной лыбящих людей
любящих себя, свой посох твёрдый
своих врагов
бездарностью слеплённых

таинственный цветок, что
видел я в пучине, пожухнет
не успев со мною встретиться без них

я ветром стал
отцом чудес земных
бессильно дерево качая
чаруя нижний ярус корабля
хватая
стекло, до абсолютного нуля
вдруг охлаждённое
одиночеством благим

и как отец всех детских страхов
властен я над гибелью врагов
и как они, умру я, как чей-то враг

как враг кого-то неизбывного
что по полю шагает
участливо расшагивая шаг

иногда всё кажется говном
твой день кажется говном
искусство, настроение
кажутся говном
и люди кажутся говнами
и ты сам как человек – говно
и ничто не кажется не-говном
но всё – говном
иногда просто день такой
но он тоже кажется говном
погода – тоже кажется говном
всё кажется без особой приины – говном
это, может быть, расплата за
те дни
когда всё кажется охуенным
и солнце, и птицы – охуенны
в такие моменты
и ничего не кажется говном
и твоё искусство охуенно, и сам ты заебись
и настроение, и твои поступки –
всё просто
и охуенно

с тобой умру и я
тяжелее на филантропскую жалость
мозг, накрученный на вилку
ты тщетно горишь всё равно
всё равно
палатное небо психиатрических больниц
недомалость тебя во мне с каждым днём
множит глухонемую музыку
ведь родился я
одновременно старость моя
свалилась с высочайшего из неб
из глупых недр умертвлённых
и сколько ей падать?
крылья сожжены закатом
ты шагаешь в ногу с перевёрнутым отраженьем
отраженье – не я
но что же так заставляет плакать
так страдать по тем, что живы
до сих пор, что жнут потоки
света от трупного бога?
отдалить я боялся рассветы
ведь пустые карманы, сердце болит

тоска по дому, когда я вижу отвратительных, нелепо толкающихся кривоженщин с ногами колесом, когда поезд–металл глушит мой слух, когда на перилах жёлто–грязь от свитера соседнего бомжа. это тогда. даже земля крутится–кривится быстрее, чтобы выкинуть меня своей центро–силой скорее и сильнее. хотелось переломать себе пальцы тем мотовилом из арматуры, мотовилом для кабеля в канализационный люк. рванина ровного неба, лаконичность солнца. трескотня слабого белоснега. с утра снег накрыл всё: крыши, тротуары, людей, снег. крикнешь ему: „агца!“. а он промолчит или улыбнется, ну как ангел в поднебесище. мы сидели на теплом снегу и говорили, сколько километров до бога.

знаешь, милый мой стрелок, мы пожинаем верфи и поля
вдвоём
вдвоём, но без меня
могли бы с тобою в перепалку свалить безумных гор
и тех, безумных, что давно отринули желанье

ты знаешь, кланицанье безумства, оно ведь пополам, на нас
ведь для того же бог отказывается от наших слёз, чтобы
вдвойне восполнить пустоту

я бы хотел все это прекратить. в сто крат уменьшить
горечь от ничто. но что для нас?
ведь пустота рождает пустоту

друг сердца, души неведом человек, давай на пару
в паре с сердцем пойдём же порознь. ведь поражают слёзы
и страданье что-то волшебство забрезжило
давай, мой лучший друг, запишем пару облаков на плёнку

говорят, небесные тела, печатают печати счастья. навсегда
и будем помнить, чорт возьми, те сладостные верфи, что
пожинаем изо дня в день

мой стрелок, все верфи пали
огонь их взял в свой страждущий ухват
и что осталось? что? пыланье? жар? оковы те
которых не изведут бессмертные

поверь в бессмертье, мой стрелок, поверь

я вырос в деревне

сожгли воздух

сожгли воду

сожгли солнце

сожгли арбузы

сожгли крыс и коз

сожгли железо

деревня бомбит

